

В. А. Мазиллов, Н. Ю. Стоюхина

Последняя осень советской психотехники

В историко-психологических работах психотехника, особенно отечественная, относится к направлениям, которые изучены недостаточно, имеют очевидные «белые пятна». Психотехникой называлась отрасль психологии, получившая широкое распространение в 1910–1930-х гг. и изучавшая приложение психологии к решению практических вопросов, в основном связанных с психологией труда, профориентацией и профотбором. Идеи ее основателя Г. Мюнстерберга развивали в своих исследованиях В. Штерн, В. Меде, Ф. Гизе, О. Липман, Ф. Баумгартен и советские ученые И. Н. Шпильрейн, С. Г. Геллерштейн и др. У советских психотехников был свой журнал «Психотехника и психофизиология труда» («Советская психотехника») и своя организация – Всесоюзное общество психотехники и прикладной психологии (ВОПиПП). В настоящее время содержание, проблемы и методы психотехники в значительной степени унаследованы прикладной психологией, психологией труда, организационной психологией, инженерной психологией. Существуют мифы, которые кочуют из одной статьи в другую. В этой связи важно разобраться, что относится к области фактов, а что к домыслам и штампам. Если плохо исследовано возникновение и развитие психотехники, то «ликвидация» – запрещение, последовавшее осенью 1936 года вслед за педологией, которая прекратила свое существование по постановлению ЦК ВКП (б) от 4.07.1936, – окутана ореолом тайны. Существует множество версий произошедшего. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать доступные сегодня документы эпохи. Статья посвящена обсуждению и анализу трагического события в истории советской психологии – ликвидации психотехники. Авторы пытаются разобраться в представленных отечественной историей науки объяснениях. Историки психологии на протяжении нескольких десятилетий предлагают практически неизменные интерпретации того давнего события. В настоящей статье собраны и проанализированы документы и источники по данной проблеме.

Ключевые слова: история советской психологии, психотехника, педология, И. Н. Шпильрейн, С. Г. Геллерштейн, идеология, механицизм, эмпиризм.

V. A. Mazilov, N. Ju. Stojukhina

Last Fall of Soviet Psychotechnics

In the historical and psychological works psychotechnics refers to areas that are not well understood, have obvious «white spots». The psychotechnics is a branch of psychology, became widespread in the 1910-1930-s and studied the use of psychology to solve practical problems, mainly related to the psychology of work, vocational guidance and physical fitness. Ideas of its founder, H. Munsterberg were developed in researches of W. Stern, W. Mead, F. Giese, O. Lipman, F. Baumgarten and Soviet scientists I. N. Spielrein, S. G. Gellerstein, etc. The Soviet Psychotechnicians had their own magazine «Psychotechnics and Psychophysiology of Labour» and its organization – Union Society of Psychotechnics and Applied Psychology. Currently, contents, problems and methods of psycho-technique largely are inherited from applied psychology, psychology of labour, organizational psychology, engineering psychology. There are myths that wander from one article to another. In this regard, it is important to understand what relates to the facts and what to speculation and stamps. If the occurrence and development of psycho are poorly investigated, that «liquidation» – a ban that followed the fall of 1936, following the pedology, which ceased to exist by the decision of the Central Committee of the All-Union Communist Party of 04.07.1936 – shrouded in the aura of mystery. There are many versions of what happened. In this paper we attempt to analyse era documents available today. The article is devoted to the discussion and analysis of the tragic events in the history of Soviet psychology – Elimination psychotechnics. The authors try to understand the history of science represented domestic explanations. Historians of psychology for several decades offer almost constant interpretations of recent events. In this paper, documents and sources on this issue are collected and analyzed.

Keywords: history of Soviet psychology, psycho-pedagogy, psychotechnics, I. N. Spielrein, S. G. Gellershteyn, ideology, reductionism, empiricism.

Развитие науки, как хорошо известно, представляет собой сложный процесс. При исследовании истории психологии, в частности, с успехом используются и экстернальный, и интернальный подходы [12]. Соответственно, развитие психологической науки рассматривается либо как процесс развития идей, подчиняющийся, в первую очередь, логике развития своего предме-

та (интернальный), либо как процесс, существенно зависящий от социально-культурного контекста (экстернальный). Важно заметить, что такие подходы формировались на материале «естественного развития» науки (можно было бы сказать «нормального развития»), но нельзя, т. к. выражение будет восприниматься неправильно – как куновская «нормальная наука»). Говоря о

«естественном» развитии психологии, мы имеем в виду то, что влияние внешних факторов является «нормальным», не выходящим за обычные, привычные рамки.

Так, известная модель М. Г. Ярошевского описывает развитие психологии как определяемое совокупным действием трех групп факторов – социальных, предметно-логических и личностно-психологических [44].

Нельзя не заметить, что иногда развитие науки приобретает аномальный характер, поскольку действие социальных факторов многократно превышает «нормальные значения». Именно такая ситуация сложилась в СССР в тридцатые годы XX века, когда развитие психологической науки происходило в условиях тоталитарного режима. Кстати, то же самое можно сказать и про развитие психологических наук в тот же период в Германии. Представляется, что для характеристики развития науки в особые периоды необходимо использовать специальные средства анализа [19, 20].

В историко-психологических работах психотехника, особенно отечественная, относится к направлениям, которые изучены недостаточно, имеют очевидные «белые пятна» [37]. Существуют мифы, которые кочуют из одной статьи в другую. В этой связи важно разобраться, что относится к области фактов, а что к домыслам и штампам. Примем во внимание, что историко-психологический факт вовсе не такое простое явление, каким кажется на первый взгляд [18, 21–23].

Одним из таких событий прошлого, остающихся в поле интереса многих исследователей, является вопрос об исчезновении целой прикладной области психологии первой трети XX в. – психотехники. Ранее мы уже пробовали разобраться в историко-психологическом контексте, сопровождающем понятие «психотехника» в вузовских учебниках по истории психологии [37], теперь попробуем рассмотреть устойчивые штампы и стереотипы, объясняющие процесс ликвидации психотехники.

Психотехникой называлась отрасль психологии, получившая широкое распространение в 1910–1930-х гг. и изучавшая приложение психологии к решению практических вопросов, в основном связанных с психологией труда, профориентацией и профотбором. Идеи ее основателя Г. Мюнстерберга [40] развивали в своих исследованиях В. Штерн, В. Меде, Ф. Гизе, О. Липман, Ф. Баумгартен и советские ученые И. Н. Шпильрейн (1891–1937), С. Г. Геллерштейн (1896–1967)

и др. У советских психотехников был свой журнал «Психотехника и психофизиология труда» («Советская психотехника») и своя организация – Всесоюзное общество психотехники и прикладной психологии (ВОПиПП). В настоящее время содержание, проблемы и методы психотехники в значительной степени унаследованы прикладной психологии, психологии труда, организационной психологии, инженерной психологии.

В 1920–1930-х гг. советская психотехника громко заявляла о себе исследованиями, конференциями, публикациями; множество специалистов самого различного профиля приветственно отзывались об этой новой науке. Так, член партии с большим стажем, хозяйственник, первый начальник Аэрофлота А. З. Гольцман с большевистским категоричностью одобрял науку о труде, где главное – новый человек с новым темпом. Достигнуть этого можно, подвергнув «переработке колоссальную человеческую массу. Пропустить ее через специальные гигантские лаборатории. Миллионы людей подвергнуть тренажу. Устроить из земного шара культурно-трудовой остров доктора Моро. Обучить все взрослое человечество. Либо отбросить все негодное в сторону. Пойти по пути отбора. Из миллионной гущи выбирать десятки и даже единицы. Обречь остальное на голод и холод. Кто хочет зарабатывать, тот пусть будет талантом. Пусть приспособляется, кто как может» [7, С. 23].

Психолог С. Л. Рубинштейн, перечислив основные задачи, с честью решаемые советской психотехникой на основе марксистско-ленинской методологии, резюмирует: «Комплекс проблем, которыми занимается психотехника, составляет лишь нижний элементарный цикл большой и очень значительной психологической проблематики, которая могла бы быть объединена в одной большой теме: человек и его дело» [35, С. 491]. И хотя разные люди относятся к делу по-разному, общим для всех будет отношение к другим людям, выраженное через продукты труда, насыщенное общественным, человеческим содержанием.

Второй по известности и популярности (после И. Н. Шпильрейна) советский ученый-психотехник С. Г. Геллерштейн после серьезных критических замечаний в адрес психотехники с оптимизмом замечает, что советская психотехника способна преодолеть стоящие перед ней затруднения, укрепив свои теоретические устои, о чем свидетельствует возникновение целого ряда новых способов конструирования психотехнических испытаний. Эти строки пишутся Геллерштейном в

1930 году, за шесть лет до печального финала. Множество психотехников стремятся «оплодотворять свои исследования одновременными теоретическими и методологическими исканиями, относясь значительно более строго к собственным исследованиям, ... пытаюсь найти более точные и достоверные критерии эффективности психотехнических испытаний, ... стремясь пронизать всю психотехническую работу диалектико-материалистическими принципами» [6, С. 262].

Что же произошло с психотехникой – активно развивающейся отраслью практической психологии, обслуживающей преимущественно производство (профподбор, профконсультация, тренировка психических свойств и функций при подготовке рабочей силы и рационализация машин, инструментов и способов производства с учетом психологических данных)? Почему советская психотехника, чей «авторитет и влияние в этот период были столь велики, что есть все основания говорить о ней не только как о научной дисциплине, но и как о масштабном общественно-научном движении, перешагнувшем рамки собственной научной области» [11, С. 17] перестала существовать? Когда это произошло? Как это объясняют историки психологии?

Часто используемое и ставшее традиционным объяснение таково: психотехнику закрыли после Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (4.06.1936 г.) [29], где указывалось на вред, нанесенный «так называемой педологией» (комплексная наука о детях) советской школе. Педологи пользовались «бессмысленными и вредными анкетами, тестами и т. п., давно осужденных партией», их теория и практика базировалась «на ложно-научных, антимарксистских положениях» и т. д. Традиционно связывают развитие двух прикладных наук – психотехники и педологии. Действительно, и педология, и психотехника – эти науки, воплощавшие мечту о новом человеке – развивались во многом параллельно, частично их этапы их «большого пути» совпадают, практически одновременно они драматично закончили свое некогда триумфальное шествие. В советской историографии ссылка на тесную взаимосвязь с педологией была также популярна, как и ссылка на идеологические ошибки психотехники и ее лидера – И. Н. Шпильрейна.

С. Н. Архангельский связывал закрытие психотехники с ликвидацией «лже-науки педологии» в 1936 г., хотя «какого-нибудь постановления или указаний о свертывании и ликвидации работ по психотехнике не было, но она, однако, быстро

сошла со сцены, работы ее прекратились, кадры рассеялись» [2, С. 18]. Причины этому он видит в том, что психотехника, вместо того, чтобы опираться на общую психологию, нашла опору в зарубежных идеалистических учениях В. Штерна и других ученых; психотехниками работали люди, не имевшие специального образования (таких вообще были единицы!) – врачи, физиологи, инженеры, производственники, которые не могли проводить настоящие психологические исследования, где бы «практика была приложением психологической теории» [2, С. 18]; научная необоснованность основного метода – метода тестов, «эмпиризм, выдаваемый за научную теорию, произвольность», привели к протестам против использования этого метода. Лишенная теоретических кадров и методологии, а также основного метода работы, психотехника «была вынуждена свернуть свою работу» [2, С. 19].

А. В. Петровский видел в истории психотехники «яркую иллюстрацию коренной перестройки науки, сформировавшейся в недрах капиталистических стран, но перестроившихся на основе марксизма и поставленных на службу социалистического строительства» [30, С. 266]. Приступив к деятельности в 1921 г. и организационно оформившись к 1927–1928 гг. [30, С. 274], психотехника пережила два этапа критики: недостаточно серьезно воспринятую критику «идеалистических основ буржуазной психотехники, мнимой ее классовой нейтральности» в 1920-е годы, предполагавшая «ряд позитивных решений, на основе которых советские психологи труда начали как практическую, так и теоретическую перестройку с целью удовлетворения первоочередных нужд пятилеток» [30, С. 290]. Второй залп критики, проходивший в обстановке нарушений ленинских норм партийной и государственной жизни и усилившийся на фоне критики педологии, по мнению А. В. Петровского, пришелся на вторую половину 1930-х годов и перечеркнул все, чего достигла психотехника: в 1936 г. закрылись все лаборатории промышленной психотехники и психофизиологии труда, отказались от политехнизации школ и, следовательно, от изучения вопроса о развивающей роли труда, свертываются работы институтов труда, прекращает деятельность журнал «Советская психотехника» Всесоюзного общества психотехники и прикладной психологии (ВОПиПП).

Е. А. Будилова делает акцент на «исторической обстановке второй половины 30-х годов», когда «нередко предавались забвению ленинские уста-

новки в отношении к науке, к путям ее развития и приобщения к марксизму. В науке проявлялся догматизм, администрирование» [4, С. 93], что сказалось на резко критическом отношении к психотехнике. Вектор критики повернулся в сторону ликвидации психотехники: отрицалась ее научная ценность, она квалифицировалась как буржуазная псевдонаука, не сумевшая найти новых путей. В борьбе с методологическими ошибками педологии «подвергся осуждению метод тестов, оставшийся главным в психотехнике» [4, С. 93]. В результате организационных мероприятий закрылись психотехнические лаборатории в промышленности, на транспорте, в научных учреждениях, прекратилось преподавание психотехники в вузах (хотя и было малочисленным), закрылся журнал «Советская психотехника» и Всесоюзное общество психотехники и прикладной психологии (ВОПиПП). Люди, составлявшие кадровый состав психотехники, переквалифицировались на другие специальности. Предмет изучения психотехники – психология трудовой деятельности вместе с психофизиологией труда, психологией производственного обучения «свернулся» ввиду того, что специальная отрасль науки оказалась не в состоянии преодолеть методологические и организационные трудности.

Ю. В. Котелова, определяя временные границы существования психотехники – с 1921 г. до конца 1936 г., пишет: «с 1937 г. исследования по психологии труда, хотя полностью не прекратились, были в значительно степени свернуты до 1957 г.» [13, с. 56]. Если на первом этапе (1921–1930 гг.) наметилась самостоятельная программа психотехнических исследований, изредка перемежаемая единичными критическими замечаниями за «надпартийность» «надклассовой» науки, то на втором этапе (1930–1936) советские психотехники должны были решать новые практические задачи, появившиеся в связи с быстрой индустриализацией страны в первой и второй пятилетках, одновременно пересматривая свои теоретические позиции. Ю. В. Котелова, бывшая сама психотехником, объясняет: неизвестное ранее заграничное оборудование требовало новых квалифицированных видов рабочего труда, на которые предполагалось поставить «подобранных» в психотехнических лабораториях рабочих. Но не все рабочие успешно справлялись с ней – аварии были нередкими. В результате разработки новых методов профотбора пришли к выводу, что дело заключается в недостатках системы профессиональной подготовки кадров и организации труда. Промахи

при монтаже оборудования потребовали налаживания исследований по рационализации средств труда с учетом человеческого фактора.

Особо останавливаясь на ошибках советской психотехники, Ю. В. Котелова подчеркивает, что психотехника не смогла преодолеть свою «нейтральность» по отношению к философии и теории психологии, хотя «не может существовать практическая деятельность в науке без опоры на теоретические установки» [13, С. 67]. Часть ученых и И. Н. Шпильрейн, как организатор, «теоретически придерживались идеалистической концепции В. Штерна» [13, С. 67], но старались преодолеть отрыв теории от практики (и преодолели к 1931–1932 гг.). Эмпиризм в психотехнике развился за счет широкого развития ее практической деятельности, увеличения количества плохо подготовленных специалистов, не осмысленных результатов массовых психотехнических определений профпригодности сотен тысяч человек. Механицизм проявлялся в рассмотрении рядом ученых человека как «живой машины», в недостаточном учете уровня развития психических функций, процессов и свойств личности и процессе труда, в чрезмерном увлечении математическими показателями, получаемыми с помощью статистики в ущерб качественному анализу результатов испытания.

Об ошибочной позиции И. Н. Шпильрейна пишет и очевидец тех событий К. К. Платонов, по мнению которого, Шпильрейн считал психотехнику и психологию самостоятельными, независимыми науками, а тесты – оценкой уровня развития способностей, а не психологическим экспериментом [31, С. 132].

Зимой 1957 г. состоялось совещание по психологии труда, инициированное Институтом психологии АПН РСФСР, где поднимался вопрос о психотехнике. М.И. Лисиной кажется, что произошла частичная реабилитация научно-практической отрасли: «Внимание участников совещания привлек вопрос об отношении к, так называемой, психотехнике» [17, С. 166]. С. Г. Геллерштейн и М. А. Мазманян признали ошибкой вследствие чисто внешних причин свертывание работ по психотехнике и «оспаривали тезис доклада Е. В. Гурьянова, Д. А. Ошанина, В. В. Чебышевой, что для психотехники был характерен разрыв между неправильной, методически несостоятельной практикой профотбора и научно-исследовательской работой, и утверждали, что в 30-е годы психотехника успешно преодолевала свои ошибки и дала ряд ценных работ. ... К. К. Платонов и К. М.

Гуревич утверждали, что психотехники не учитывали тенденций развития промышленности в СССР, где профотбор в 30-е годы не мог иметь первостепенного значения, а возникновение и быстрое распространение стахановского движения привело к решению многих из тех задач, над разрешением которых бились психотехники. Именно поэтому практические работники так легко, безболезненно расстались с психотехникой» [17, С. 166]. На совещании были признаны ошибочным полное отрицание всего, сделанного психотехникой, «надо сохранить все лучшее из того, что она сделала...» [17, С. 166]. Именно после этого стало возможным давать оценку деятельности психотехникам.

Однако, через несколько десятилетий, В. М. Мунипов делает серьезную фактическую поправку, рассказывая о заседании сектора психологии Института философии АН СССР и сессии отделения психологии Академии педагогических наук РСФСР в конце 1946 г., где обсуждался вопрос о возможных направлениях психологических исследований в авиации. Заседание происходило на двух совещаниях, среди присутствовавших психологов – П. Я. Гальперина, Е. В. Гурьянова, В. М. Когана, К. Н. Корнилова, С. Л. Рубинштейна и др. – был тот, кто знал о психотехнике больше остальных – С. Г. Геллерштейн. Это было «первое в стране, официально санкционированное обсуждение проблем психологии труда спустя десять лет после окончательного разгрома психотехники, которое повлекло за собой свертывание психологических исследований в авиации» [26, с. 26]. По словам В. М. Мунипова, там даже прозвучала попытка разобраться, как такое могло произойти. Ответа, впрочем, не последовало. С. Г. Геллерштейн, выступавший на двух совещаниях, делает попытку обсудить общие задачи развития психологии труда в стране, но прибывший руководитель отдела науки ЦК ВКП(б) «торопится цинично предупредить постановку вопросов, прозвучавших на первом заседании, и, если уж они возникнут, сделать все, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, почему страна отстала в развитии психологии труда и авиационной психологии и кто в этом виноват» [26, С. 27]. Совещание заканчивается выступлениями-предостережениями К. Н. Корнилова и представителя командования военно-воздушных сил о преимуществе советских исследований и недопустимости преклонения перед границей [26, С. 28]. (Начиналась борьба с космополитизмом и через два года С. Г. Геллерштейн, С. Л. Рубинштейн и некоторые другие

психологи были зачислены в «безродные космополиты»). Трудно преодолеть впечатление, что выступавшие были заинтересованы в том, чтобы о состоявшихся обсуждениях забыли, т. к. «стенограммы не опубликованы, в научной литературе нет ссылок на эти исторические события в развитии психологии в нашей стране, не говоря уже о содержательном анализе всего происшедшего» [14, С. 28]. Тем не менее, стоит считать, что в 1946 г. С. Г. Геллерштейном была предпринята первая попытка возродить психологию труда и авиационную психологию... И произошло это не в 1957 г., как многие полагают, а целым десятилетием раньше – в конце 1946 года.

Новая, после перестроечная историография по истории советской психологии, казалось, заставила по-другому взглянуть на некоторые проблемы, добавились новые толкования, но понятнее не стало.

В коллективной монографии сотрудников ИП РАН о закрытии психотехники говорится немного: на фоне идеологических нападков («некритическое отношение к идеалистическому мировоззрению В. Штерна, различные уклоны в исследовательской и практической работе»), усиленных философскими и методологическими дискуссиями, в январе 1935 г. арестовывают лидера психотехники – И. Н. Шпильрейна, после чего психотехническая деятельность сворачивается [33, С. 218].

О. А. Артемьева в качестве основных причин ликвидации психотехники называет «буржуазные (зарубежные) методологические основания, нежелательные результаты диагностики советских рабочих и учащихся как препятствия экстенсивному развитию производства, неизбежность ошибок и поражения отдельных научных подходов в ситуации становления новой науки» [1, С. 148]. Но главную причину она, как и многие современные исследователи, видит в политической борьбе, устранении единомышленников опального к тому времени Л. Троцкого.

Е. В. Левченко предполагает, что преследования представителей психологической науки были начаты не после разгрома педологии в 1936 г., а в связи с принятым постановлением ЦК ВКП(б) «Все силы научных работников – на теоретическую разработку проблем социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата» 15 марта 1931 г., основой которого был доклад С. Шмидта и содоклад А. Максимова «О положении на фронте естествознания». Резолюции президиума Комкадемии совместно с Ассоциацией естествознания Комкадемии «подчеркивалось значение разоблачения

«всякого рода псевдомарксистских течений типа корниловщины, бехтеревщины в психологии»; было указано на опасность смыкания механистов с реакционно-идеалистическими концепциями при решении таких важных теоретических проблем, как проблема жизни, проблема приспособления, проблема поведения. Резолюция предписывала перестройку всей работы на началах «непосредственного участия в социалистическом строительстве, партийного методологического влияния на всю научно-исследовательскую работу в СССР», а также проведение чистки среди научных работников, в первую очередь, руководящих» [16, С. 23].

Н. С. Курек выделяет возможные причины, обусловившие закрытие психотехники – «идеологически вредной науки» [15, С. 70]: наличие исследований, свидетельствовавшие «о низком уровне психического развития советского человека, а также о наличии сословных, национальных, половых отличий в психике» [15, С. 69]; популярные тестологические исследования показывавшие малоспособность пролетариата, крестьянства к обучению и работе, что противоречило классовому принципу; заимствование идей теории персонализма [15, С. 93].

На сегодняшний день О. Г. Носкова представила самое полное историко-психологическое исследование деятельности советских психотехников. Как и другие исследователи, автор отмечает «настороженность, усиливающуюся критику» со стороны политического руководства страны в адрес ВОПиПП [28, С. 67]. Она признает, что обвинения в адрес руководителя психотехников И. Н. Шпильрейна в пропаганде идей дифференциальной психологии В. Штерна «имели под собой некоторое основание» [28, С. 67], но с 1928 г. он признавал классовость психотехники.

Важно подчеркнуть, что в 1936 году была предпринята вовсе не первая, как многим представляется, попытка ликвидации. В. М. Мунипов справедливо сообщает о попытке разгрома психотехники в 1929 г. [27, С. 103]. Ситуация была задана докладом И. Н. Шпильрейна на фракции ВКП(б) Всероссийского психотехнического общества «Положение психотехники в СССР и очередные задачи Психотехнического общества» и на основе его созданной докладной запиской в ЦКВКП(б) и Главнауку – «единственный и последний партийный документ, содержавший конструктивные и позитивные предложения о развитии психотехники» [27, С. 100]. По мнению В. М. Мунипова, докладная записка вызвала недоумение в ЦК: «в стране родилось мощное движе-

ние трудящихся и интеллигенции без какого-либо влияния марксизма, руководства партии и без государственной регламентации», «в психотехническом движении вот-вот возникнет, опять же без указанного влияния и руководства, новая научная и практическая дисциплина, отличная от психологии» [27, С. 101]. В 1929 г. И. Н. Шпильрейн выступает в Коммунистической академии с докладом «Психотехника в реконструктивный период», и тот факт, что в следующем году там же выступит Л. С. Выготский с докладом «Педология и психотехника», В. М. Мунипов рассматривает как «вызов «огня на себя» психотехникой» [27, С. 100], что «планировалось как разгром психотехники» [27, С. 100], но Шпильрейн своим правильным поведением («упредить погромные выступления и занять наступательную позицию») не допустил этого.

То, что психотехника занимает в народном хозяйстве значимое место, говорит принятие инструкции по проведению профессионального отбора и профконсультации [8], где обозначено максимальное и приоритетное привлечение психотехников и регламентируется их взаимодействие с врачами в этом процессе. Профконсультация и профотбор должны включать в себя врачебное и психотехническое обследование; последнее производится только там, где имеются специалисты, могущие производить психотехническое исследование или где имеется возможность командировать их из другого пункта. Медицинское обследование подростка – обязательно. Без него прием подростков в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и школы ученичества массовых профессий (ШУМП) не допускается. Психотехническое исследование должно быть обеспечено достаточно квалифицированными специалистами-психотехниками или врачами-психотехниками, работающими под методическим руководством или в тесной связи с одним из центральных или местных институтов или лабораторий, занимающихся профотбором или профконсультацией и, по возможности, под их контролем [8]. Медицинское обследование и психотехническое испытание должны производиться в тесной связи, ...по возможности, использовать имеющиеся в школах соцвоса или в детских профилактических амбулаториях и диспансерах данные об успеваемости, специальности, одаренности, способностях и профессиональной направленности подростков и состоянии их здоровья. [...] Основной формой работы должна быть профконсультация, имеющая целью указание каждому подростку наиболее подходящих для него производственных

русел, из числа доступных ему в данном районе, при данном наборе. Профотбор должен проводиться в тех случаях, когда или нет методических возможностей осуществить профконсультацию или же количество отраслей, по которым в данном районе имеются ФЗУ и ШУМП, весьма ограничено. В учреждениях, которые, вследствие отсутствия психотехников, производят только медицинское освидетельствование, для руководства работой по профотбору должно быть выделено ответственное лицо: врач, знакомый с задачами профотбора и с местными условиями труда, в особенности в производствах, для которых набираются подростки. «Работа по профотбору должна включать в себя как минимум следующее: 1) психотехническое испытание; 2) исследование нервно-психической сферы; 3) оценку физического развития (антропометрия); 4) исследование органов грудной и брюшной полости и органов движения; 5) исследование зрения; 6) исследование верхних дыхательных путей и уха; 7) исследование крови на содержание гемоглобина. [...] В программу психологического испытания входят: 1) определение профессиональной направленности (интересов), 2) испытание так наз. умственной одаренности, 3) испытание специальной одаренности по разным руслам. При настоящем состоянии профессиографии и методов психотехнической диагностики, можно рекомендовать испытания по всем разделам предыдущего §: в школы металлистов, текстильщиков, трикотажников, швейников, резиногалашниц, деревообделочников, полиграфистов, а также в школы конторского и торгового ученичества. По другим отраслям психотехническая диагностика должна ограничиваться только испытанием тех качеств, которые важны для прохождения обучения в школе (так называемой, умственной одаренности, внимания впроч., с учетом профнаправленности подростка).

При психотехническом испытании профпригодности следует употреблять лишь те бланковые тесты и аппараты, которые рекомендованы для практики научными институтами, руководящими психотехнической работой. [...] Заключение о профпригодности дается после обсуждения в специальной комиссии на основании синтеза всех профконсультационных материалов: психотехнических, медицинских и школьных данных... [...] В профконсультационную комиссию, дающую заключение... должны входить: врач, хорошо знакомый с местной промышленностью, психотехник или врач-психотехник и представители местных общественных организаций» [8, С. 35–36].

Инструкция подписана председателем Межведомственного совета по профотбору и профконсультации при НКТ СССР С. Каплуном и зам. наркома труда Гиндиным [8, С. 36].

С начала 1930-х гг. начала раскручиваться кампания по усилению критики и самокритики. В. В. Маяковский призывал принять «против внутренних неполадок внутренне лекарство самокритики» [24, С. 157], или еще яростнее: «ножом хирурга в бока вонзай самокритику!» [25, С. 46], жестко звучали строки:

«Увидел недостатки –
про себя не таи.
Недостатки товарища –
недостатки твои.
Дружбу – так
понимать нужно:
Общие недостатки
исправим дружно».

В психотехнике борьбу с недостатками с помощью критики и самокритики возглавил И. Н. Шпильрейн. Так только в одном из докладов – «О повороте в психотехнике» – жесткие выражения были адресованы в адрес О. А. Ерманского, Г. И. Челпанова, В. Н. Мясищева, В. И. Рабиновича, И. В. Эвергетова (за механицизм и идеализм в его докладе на I Всероссийской конференции по НОТ в 1921 г.), К. Н. Корнилова и Ю. М. Франкфурга (за «бесплодные и оторванные от практики философствования порядка меньшевистствующего идеализма, господствовавшие под именем реактологии в области теоретической психологии»), профессора А. П. Нечаева (за «тесты чуждого и враждебного социального характера»), Н. Д. Левитова и А. А. Толчинского (за тесты с «неприемлемыми политическими вопросами»), И. Н. Дьякова, Н. В. Петровского, П. А. Рудика (за «жюльничество», за опoшление понятия диалектики «формально-словесными ухищрениями», за некритическое отношение к тестам), А. М. Мадрыку и М. Ю. Сыркина (за «механистическую установку в области профконсультации, переоценку чисто интеллектуальных моментов» и пр.), Ф. Н. Барановского (за «перенесение буржуазных установок в области национальных тестов», за «несерьезное, формальное отношение к признанию своих ошибок») и еще ряда коллег. Надо сказать, что и себя И. Н. Шпильрейн не щадил, претензии к себе составляют основательный список («ограничивался только указаниями на отдельные недостатки психотехнической теории и практики за рубежом, не подымаясь до разоблачения общих и политических извращений», не разоблачил классовую сущность

капиталистической науки, ее механицизм и общую статистическую установку, верил во внепартийность метода, неправильная эклектическая установка на психотехнику и т. д.) [43].

В 1932 г. в Государственном институте психологии, педологии и психотехники (ГИППиП) ячейка ВКП(б) принимает резолюцию, где подчеркивается необходимость «взять под обстрел марксистско-ленинской критики психотехнику и педологию» [34, С. 74].

В 1933 г. власть ликвидирует секцию психотехники в Государственном институте экспериментальной психологии, которая координировала работу членов ВОПиПП, 4-й номер журнала «Советская психотехника» за 1934 г. вышел без указания фамилии ее главного редактора и основателя – И. Н. Шпильрейна, а в январе 1935 г. он был арестован [19, С. 68]. Осенью 1936 г., т. е. через три с небольшим месяца после Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях...», ВОПиПП прекратила свою деятельность через «самороспуск». Как пишет О.Г. Носкова, «такое решение было принято после Постановления... в связи с использованием психотехниками метода тестов в прогнозировании профпригодности» [28, С. 68]. Кто принял такое решение?

Абсолютно все истории психологии ссылаются на статью В. Н. Колбановского, финальным аккордом прозвучавшую в октябре 1936 г., о «так называемой психотехнике», где она обвиняется в «псевдонаучности», «невежестве», «органичной враждебности марксизму», «мощном средстве капиталистической эксплуатации» [10]. Но вот еще публикации, судя по которым понимаешь, что внимание к психологии и ее отраслям со стороны власти было очень пристальным.

Летом 1936 г. состоялось совещание психологов при редакции журнала «Под знаменем марксизма», созванное «чтобы мобилизовать работников психологического фронта на преодоление имеющихся недостатков, для создания работ по психологии в соответствии с требованиями социалистической практики и воспитания нового человека сталинской эпохи» [5, С. 98]. Несколько позже был опубликован отчет, подписанный инициалами «Г. Ф.». Как видно из отчета, выступавшие – директор Научно-исследовательского института психологии тов. Колбановский, профессор Леонтьев (Высший коммунистический институт просвещения), Проф. Лурия (Медико-генетический институт), Проф. Теплов (Институт психологии), Доцент Гальперин, Эльконин, Проф. Блонский, Тов. Александровский – в своих докла-

дах критично (в разной степени) отразили современное состояние советской психологии. Однако, тов. Митин «заявил, что ...это совещание не оправдало надежд, возлагавшихся на него редакцией журнала. На совещании не были выявлены ни основные недостатки, ни задачи психологического фронта. Острые и больные вопросы в выступлениях психологов не были поставлены должным образом. Коренной недостаток развития психологической науки, ее отрыв от жизни, от задач социалистического строительства, не был вскрыт на совещании. ...до сих пор почти нет серьезных марксистских психологических работ, которые могли бы представлять научную ценность и конкретно помочь советской школе. Выпускаемая психологическая литература нуждается в серьезной научной критике. Далее тов. Митин говорит, что критика и самокритика на самом совещании носила весьма абстрактный характер» [5, С. 97]. А вот далее автор – Г. Ф. пишет, что совещание было своевременным, о чем свидетельствует факт появления после него (видимо, пока писалась статья – *прим. авторов*) «исторического постановления» «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», «имеющее прямое и непосредственное отношение к психологической науке» [5, С. 98], т. к. некоторые психологи были одновременно и педологами (Блонский, Выготский, Василейский, Узнадзе и др.), и их психологические работы «носят печать педологической лженауки». «Реакционность» и «антинаучность» педологических работ «обязывает психологов развернуть серьезную критику подобных реакционных, антинаучных измышлений, а также развернуть самокритику в своих собственных рядах, без чего невозможна положительная разработка марксистской психологии» [5, С. 99].

26 июня 1936 г. (т. е. опять же – до Постановления) в «Комсомольской правде» печатается статья Н. К. Крупской о важности выбора профессии в общеобразовательной школе. Один абзац она посвящает психотехнике: «Есть целый ряд профессий, которые требуют специальных свойств: остроты слуха, зрения, особого развития осязания, особенной тренировки нервных центров и пр. Этими вопросами занимается особая наука – психотехника. Она имеет очень большое значение для отбора наиболее приспособленных людей для целого ряда профессий. Она может предохранить при выборе профессии людей от ряда ошибок. Но было бы смешно все сводить к психотехнике. Это подсобная наука. Основное, что определяет выбор профессии, это – общественный уклад. Лишь со-

циалистический уклад обеспечивает наиболее свободный выбор профессии самым широким массам населения» [14, С. 2].

Был еще Приказ № 738 от 11.09.1936 г. «О ликвидации в школах профконсультации и профотбора» [32], где нарком просвещения А. Бубнов предписывает «немедленно и решительно» прекратить «так называемые, профконсультацию и профотбор учащихся», «так называемыми, консультантами», прибегающими в своей работе к методам (анкеты, тесты) совершенно недопустимым, граничащим с шарлатанством.

К тому же, в том сентябре 1936 г. советский партийный деятель, заведующий Отделом научно-технических изобретений и открытий и планово-финансово-торговым Отделом ЦК ВКП(б) К. Я. Бауман осветил в «Правде» непростую ситуацию в отношениях между наукой и промышленностью: «наука мало дает промышленности». «раболепие наших ученых перед границей», ученые по-прежнему занимаются темами, «крайне далекими от нашей эпохи и жизни» [3, С. 2–3] – на это указывали работники промышленности, совхозов и колхозов. Предлагая решительно перестроить работу научно исследовательских институтов таким образом, чтобы единственным критерием оценки научных достижений стала бы помощь, оказываемая развитию хозяйству и культуре страны, К. Бауман описывает условия плодотворной научной работы: связь науки с жизнью, широкое развертывание самокритики, хорошая организация научно-исследовательской работы, в первую очередь, в заводских лабораториях, в совхозах и колхозах, в медицинских клиниках, пополнить штат научных работников за счет стахановцев, изобретателей.

В. Н. Колбановский пишет, что вопросами профконсультации и профотбора теперь должны заниматься врачи. Он же ставит вопрос: «может ли медицинское заключение дать исчерпывающий ответ о пригодности человека в известной профессии?» [10, С. 4] и отвечает, что в целом ряде профессий, сопряженных с опасностью травматизма и аварийности, «медицинское заключение о пригодности... должно строиться на основе более глубокого, психологического изучения каждого обследуемого» [10, С. 4]. Т.е. в октябре 1936 г. речь о полной ликвидации психотехники и о самороспуске ВОПиПП еще не шла? Далее в той же статье он пишет: «все лучшие силы из состава советских психотехников следует переключить» в сторону разработки наиболее рациональных методов производственного обучения рабочих» [10,

С. 4]. То есть психотехники еще есть, и есть из чего выбирать лучших. И окончательно запутывает дело последние предложения статьи В. Н. Колбановского: «Но прежде всего нужно покончить с психотехнической практикой. Существующие психотехнические лаборатории и станции нужно ликвидировать, а их работников вернуть к полезному труду» [10, С. 4].

Как пишет С. Степанов, статья «звучала обвинительным приговором целой отрасли психологической науки и практики... это означало разгром» [36, С. 4]. Видя безусловное сходство с судьбой педологии, Степанов все же подчеркивает, что официальной казни психотехники не подверглись, как педологи, их «добили попутно, руками коллег, вовремя понявших, куда дует ветер» [36, С. 4], в значительной степени стараниями упоминавшегося выше В. Н. Колбановского. Причиной уничтожения стал профотбор, но ведь регламентации участия психотехников в профотборе была посвящена специальная инструкция Наркомата труда СССР, которую мы выше цитировали... Что же произошло? В обществе, где «любого можно назначить на любое руководящее место, лишь бы с происхождением было все в порядке», «научный подход не нужен и даже вреден» [36, С. 4].

О развитии ситуации, последовавшем после статьи В. Н. Колбановского, сообщают К. К. Платонов, В. М. Мунипов и О. Г. Носкова. Платонов, как свидетель тех давних событий, писал об обращении Геллершейна летом 1936 г. (после постановления о педологии) в отдел науки ЦК, чтобы узнать о дальнейшей судьбе психотехники. Там ему ответили, что «раз слова “психотехника” в постановлении нет, то в административно-организационном плане оно не предусматривает никаких мероприятий» [31, С. 139]. Об этом же пишет О. Г. Носкова по воспоминаниям В. М. Когана [28, С. 70]. Но сентябрьский приказ Наркомпроса и последующая статья В. Н. Колбановского развеяла надежды. Геллерштейн опять же откликнулся на статью своим письмом в газету «Известия», обращая «внимание редакции на то, «что статья В. Колбановского не дает нам достаточного материала для суждения о действительном состоянии прикладной психологии (психотехники), и выводы этой статьи, по меньшей мере, поспешны и выказывал готовность подготовить основательную статью по вопросам, которые затронул В. Колбановский, однако ответа от редколлегии не последовало» [26, с. 21].

Некоторые авторы предлагают объяснения ликвидации психотехники геополитического масштаба. Так, О. Г. Носкова причину неадекватности психотехники в чрезвычайной экономической ситуации 1930-х гг. видит, в первую очередь, в ненужности экономических законов, когда устраняются экономические способы регулирования хозяйственной жизни, обесценивается личность трудящегося, используются административные рычаги управления производством [28, С. 80]. По мнению В. М. Кадневского, главная причина произошедшего с психотехникой – политико-экономическая ситуация в СССР и задача выживания страны в условиях внешней изоляции. Попытки путей модернизации экономики проходили по всем векторам: «от системы Тейлора до психотехники, от раздачи земли в единоличное пользование крестьянам до коллективизации... наконец, ...сверхдешевая сила через систему ГУЛАГа» [9, С. 377], когда проблемы индивидуальности, так или иначе поднимаемые психотехникой, становились малосущественными, вредными, а затраты на их финансирование неоправданными.

Тема «конца» психотехники в СССР обсуждалась даже на радио [41], когда ведущий радиопередачи Владимир Тольц вместе с историком О. В. Эдельман решили, что это будет интересно широкой публике. Популяризация интерпретации исторического события 1936 г. привело к неожиданным и очень широким выводам:

«Владимир Тольц: ... У них была масса идей, но непосредственный практический результат – так себе.

Ольга Эдельман: Отчасти в своих дискуссиях они сами это признавали.... [...]

Владимир Тольц: ... за трескучей фразеологией двадцатых стояло немало интересных и, наверное, плодотворных идей. Но они оказались ненужными власти, которой их творцы старались услужить. И потому после разгрома 36 года советская практическая психология (педология, в частности) разделила судьбу других репрессированных наук – генетики, кибернетики. ...Тонкие манипулятивные технологии тогда еще начальству не требовались...» [41].

После 1936 г. о педологии вспоминали еще на протяжении двух последующих лет, печатая в периодике разоблачительные статьи, а вот о психотехнике старались не говорить, «сам термин «психотехника» был изъят из научного обихода. Если же он употреблялся, то обязательно с негативным определением «так называемая, психотехника» или псевдонаука» [36, С. 21]. Как писал

Б. Слуцкий о тридцатых годах, когда исчезали люди, чье имя еще вчера с гордостью произносила страна (от себя добавим, что не только люди, а еще научные отрасли),

Имя падало с грохотом
и забывалось нескоро,
хотя позабыть немедля
обязывал нас закон.

Оно звучало в памяти,
как эхо давнего спора,
и кто его знает, кончен
или не кончен он?

Открытым остается вопрос: как же на самом деле Всесоюзное общество психотехники и практической психологии прекратило свое существование? Было собрание? Или кто-то взял на себя ответственность своим решением прервать деятельность множества рядовых психотехников?

Заметим попутно, что к 1930 г. психотехника окончательно завершила свое организационное формирование. Журнал «Психотехника и психофизиология труда» (с таким названием он существовал с 1928 по 1932 гг., с 1932 по 1934 – «Советская психотехника»). Активно работали институты и лаборатории по всей стране. Был опубликован «Устав Всесоюзного общества психотехники и практической психофизиологии», утвержденный НКВД РСФСР 16 июля 1930 г. В Уставе, среди прочего, о ликвидации общества было написано: «§ 50. Общество может быть закрываемо как по распоряжению соответствующих правительственных органов, так и по постановлению Всесоюзного съезда общества. § 51. В случае ликвидации Общества по постановлению Всесоюзного съезда, Общество представляет о том мотивирующий доклад в НКВД и руководствуется его указанием. § 52. Для ликвидации Общества избирается ликвидационная комиссия, в состав которой вводятся представители НКВД и других заинтересованных учреждений. Все имущество Общества по его ликвидации передается по указанию представителя НКВД» [42, С. 290].

По разным оценкам, в области психотехники работало более 900 человек [33, С. 54] (начав с 101 человека в 1927 г. [27, С. 100], затем достигло 1020 человек в 1931 г. [27, С. 104]).

Нам представляется интересной попытка Н. С. Курека [15] сопоставить развитие и ликвидацию военной психологии в Германии и психотехники в СССР. Приведем результаты его изысканий в этом направлении, так как аналогии между судьбами науки в двух тоталитарных государствах достаточно очевидны. Общие черты разви-

тия и причины ликвидации психотехники в СССР и военной психологии в нацистской Германии удивительно похожи. «Сущностью обеих систем являлся террор. Оба социальных режима были враждебны личности и свободе, негативно относились к плюралистической внерасовой и внеклассовой психологии, критическим исследованиям. Развитие психотехники в нацистской Германии очень сильно напоминало развитие психотехники в СССР. Сначала шла идеологическая перестройка психотехники: в СССР – марксистская, пролетарская; в Германии – национал-социалистическая, расовая. В обоих государствах делалась попытка согласовать науку, в том числе психологию, с господствующим мировоззрением. Перед ней ставилась задача служить практическим целям государства и идеологическим – классовым или расовым принципам. Потом начались идеологические атаки на теорию и методы психотехники» [15, С. 158]. И в том, и другом случае критиковались тесты как основной инструмент исследований: нацисты считали их еврейскими, коммунисты – буржуазными. Подвергались критике также принципы и результаты психотехнических исследований. «И нацисты, и коммунисты требовали, чтобы личность была подчинена народу и партии, чтобы исследования показали высокое развитие и преимущество арийской расы или рабочего класса. После этого какие-либо правдивые исследования групповых отличий с помощью психологических тестов становились практически невозможными. С помощью различных трюков, искажающих результаты, некоторые психотехники пытались доказать мифы о равенстве всех классов и народов СССР, о превосходстве пролетариата над буржуазией, а в Германии – о превосходстве любого арийца над не арийцем. Но это уже был конец психотехники как науки, ее самоуничтожение» [15, с. 159]. Особенно важно следующее. «Ненужной стала психотехническая практика. И коммунисты в СССР, и нацисты в Германии организовали движение новаторов, рационализаторов, передовиков для потогонной эксплуатации населения. Затем с помощью террора и репрессий в той и другой стране была создана система рабского труда в концлагерях, ГУЛАГе, активно использовался бесплатный труд миллионов военнопленных. Руководство СССР обнаружило, что будущие рабочие-стахановцы, особенно выходцы из центрально-азиатских республик, бракуются при психотехническом отборе» [15, С. 159]. «И в Германии при психотехнической проверке арийцы, преданные делу нацистской партии, нередко оказыва-

лись неспособными к летному делу. Среди них были даже дети руководителей вермахта и нацистской партии». «И коммунисты, и нацисты пришли к выводу, что отбор по принципу способностей: интеллектуальным характеристикам и характерологическим признакам противоречит политической селекции, основанной на преданности партии, государству, принадлежности к классу или расе. Возникла идея о преднамеренном идеологическом вредительстве. У советских коммунистов она была обусловлена в определенной степени неудачами при строительстве социализма: индустриализации, коллективизации, культурной революции. В национал-социалистической Германии ей способствовали военные неудачи на Восточном фронте. Руководители и коммунистического СССР и нацистского рейха начали подозревать буржуазный либо еврейский заговор, направленный на подрыв строя. После этого ликвидировалась психотехника в СССР и военная психология в нацистской Германии, а тесты и тестологический отбор запрещались» [15, С. 160].

«Поражает однообразие гипотез о причинах ликвидации при обоих режимах. Тут и низкие тестологические оценки детей руководителей СССР и Третьего рейха; ошибки при диагностике военнослужащих, сделавших впоследствии удачную карьеру; идеологическое несоответствие наук марксистскому или нацистскому мировоззрению. На наш взгляд, одной из причин ликвидации психотехники в СССР и военной психологии в нацистской Германии было также стремление к единству, присущее обоим режимам». Советский социализм и немецкий национал-социализм основывались на принципе единства и целостности: «одна идеология, одна партия, одна тайная полиция, одна информационная система, одна армия и одно централизованное хозяйство». Гитлер, обращаясь к народу, утверждал: «Своей наивысшей целью и первоочередной задачей народное правительство считает возрождение единства, воли и духа нашего народа. Оно сохранит и защитит те институты, на которых зиждется сила нашего народа. Оно сбережет христианство как основу всей нашей морали, семью как ячейку национальной и государственной целостности. Невзирая на различия сословий и классов, правительство снова приведет наш народ к осознанию политического и национального единства, к выполнению тех обязанностей, которые из этого вытекают» [15, С. 160–161]. Стремление к единству в СССР и нацистской Германии стало основой тенденции к объединению различных наук.

Коммунисты с 1931 года стремились объединить психотехнику с психологией, а затем ликвидировали психотехнику, а психологию оставили. «В начале тридцатых годов в СССР была принята попытка объединить психотехнику, педологию и психиатрию в комплексную науку – психоневрологию, которая после ликвидации педологии и психотехники превратилась в психиатрию. Внутри каждой научной дисциплины один из подходов к человеку (как правило, биологический или социологический) объявлялся марксистским, другие запрещались. Такие же тенденции отмечались в развитии наук о человеке в нацистской Германии. Психоанализ и психотехника были объявлены еврейскими. Психоанализ был объединен с другими направлениями глубинной психологии в рамках психотерапии. Вместо еврейской психотехники чаще употреблялся термин военная и индустриальная психология. На наш взгляд, объединение – лучший способ установления единомыслия и ликвидации как противоречий, так и научных дисциплин и подходов внутри них. При этом нацистское и коммунистическое руководство отличалось склонностью к силовым, авторитарным способам решения проблем науки: запрету и ликвидации, аресту и расстрелу специалистов. Высылка психотехников Штерна и Нечаева, убийство Шпильрейна и Липмана, запрет и ликвидация тестологического отбора в обеих странах не способствовали развитию науки и уменьшили эффективность этих режимов. Стремление обоих тоталитарных режимов к единству и однообразию проявилось и в ложном идеале совершенного «нового человека» с нивелированными групповыми различиями. Он также стал одной из причин ликвидации психотехники в СССР и военной психологии в нацистской Германии» [15, С. 160–161].

Как отмечает В. М. Мунипов, «история психотехники нуждается в научно обоснованной полноте ее раскрытия и современной интерпретации, отражающей обновленные методологические основания исторических исследований» [27, С. 86], иначе мы обречены повторять старые мифы или придумывать новые. Мифы мешают извлекать уроки из истории.

Библиографический список

1. Артемьева, О. А. Отечественная психология на переломе. Уровневая субъектная концепция социально-психологической детерминации развития психологии: монография [Текст] / О. А. Артемьева. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 382 с.
2. Архангельский, С. Н. Очерки по психологии труда [Текст] / С. Н. Архангельский; под ред. проф. Н. Ф. Добрынина. – М. : Трудрезервиздат, 1958. – 160 с.
3. Бауман, К. Положение и задачи советской науки [Текст] / К. Бауман // Правда. – 1936. – 6 сентября. – С. 2–3.
4. Будилова, Е. А. Философские проблемы в советской психологии [Текст] // Труды по истории психологии / Е. А. Будилова; отв. ред. Т. И. Артемьева, А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова; Ин-т психологии РАН. – М. : Наука, 2009. – 504 с.
5. Г.Ф.О состоянии и задачах психологической науки в СССР (отчет о совещании психологов при редакции журнала «Под знаменем марксизма») [Текст] / Г.Ф. // Под знаменем марксизма. – 1936. – № 9. – С. 87–99.
6. Геллерштейн, С. Г. Психотехника [Текст] / С. Г. Геллерштейн // Выготский Л., Геллерштейн С., Фингерт Б., Ширвиндт М. Основные течения современной психологии. – М.-Л. : Госиздат, 1930. - С. 206–263.
7. Гольцман, А. Реорганизация человека. [Текст] / А. Гольцман. - Л. : Госиздат. – 1925. – 55 с.
8. Инstrukция НКТ СССР от 13 июля 1930 г. по проведению профессионального отбора и профконсультации при осеннем наборе 1930 г. в школы ФЗУ и ШУМП [Текст] // Психотехника и психофизиология труда. – 1930. – № 5. – С. 433–436.
9. Кадневский, В. М. История тестов [Текст]: монография / В. М. Кадневский. – М. : Народное образование, 2004. – 464 с.
10. Колбановский, В. Н. Так называемая психотехника [Текст] / В. Н. Колбановский // Известия. – 23 октября. - 1936. - С. 4.
11. Кольцова, В. А. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) [Текст] / В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. – М. : Московский государственный университет, Институт психологии РАН, 2006. – 360 с.
12. Кольцова, В. А. История психологии: теоретические и методологические проблемы исследований [Текст] / В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник // Современная психология; под ред. В. Н. Дружинина. М. : ИНФРА-М, 1999, с.578–590
13. Котелова, Ю. В. Очерки по психологии труда [Текст]: учебное пособие / Ю. В. Котелова; под ред. Е. М. Ивановой. – М. : Изд-во Московского университета, 1986. – 120 с.
14. Крупская, Н. К. Выбор профессии [Текст] / Н. К. Крупская // Комсомольская правда. – 1936. – № 146 (26 июня). – С. 2.
15. Курек, Н. С. История ликвидации педологии и психотехники в СССР [Текст] / Н. С. Курек. – СПб. : Алетейя, 2004. – 330 с.
16. Левченко, Е. В. Михаил Яковлевич Басов: жизненный путь и психологическая концепция [Текст] / Е. В. Левченко // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. Вып. 4. – С. 21–45.
17. Лисина, М. И. Совещание по психологии труда [Текст] / М. И. Лисина // Вопросы психологии. – 1957. – № 3. – С. 165–176.
18. Мазиллов, В. А. О становлении психологии как самостоятельной науки [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. 2007. – Т. 2. Вып. 2. – С. 3–20.
19. Мазиллов, В. А. Методология отечественной психологической науки: основные направления исследований и разработок [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. Том II (Психолого-педагогические науки). – 2010. - № 3. - с. 174–191
20. Мазиллов, В. А. Психологическая наука: разработка коммуникативной методологии [Текст] / В. А. Мазиллов //

Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 1. – с. 146–151

21.Мазиллов, В. А. Актуальные методологические проблемы современной отечественной истории психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. Том II (Психолого-педагогические науки). – 2014. – № 2. – с. 202–210

22.Мазиллов, В. А. История психологии и философия психологии: необходимо взаимодействие [Текст] / В. А. Мазиллов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. –2014. – № 2. – с. 94–100

23.Мазиллов, В. А. О предмете научной психологии: утраты и обретения [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. Том II (Психолого-педагогические науки). – 2014. – № 1. – с. 266–270

24.Маяковский, В. В. Тревога [Текст] / В. В. Маяковский / Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 6. М. : Правда, – 1978. – С. 157.

25.Маяковский, В. В. Вонзай самокритику! [Текст] / В. В. Маяковский / Маяковский В.В. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 6. М. : Правда, – 1978. – С. 46.

26.Мунипов, В. М. Общая судьбы педологии, психотехники и психологии в 30-е годы в СССР [Текст] / В. М. Мунипов // Ежегодник Российского психологического общества. Антология современной психологии конца XX века. Т. 7. Вып. 3. Казань, 2001. – С. 208–233.

27.Мунипов, В. М. И. Н. Шпильрейн, Л. С. Выготский и С. Г. Геллерштейн – создатели научной школы психотехники в СССР [Текст] / В. М. Мунипов // Культурно-историческая психология. – 2006. – № 4. – С. 85–107.

28.Носкова, О. Г. История психологии труда в России (1917–1957) [Текст]: учеб. пособие; под ред. проф. Е. А. Климова. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 334 с.

29.О педологических извращениях в системе Наркомпросов. 4.07.1936[Текст] // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М. : Политиздат, 1985. Т.6. С. 364–367.

30.Петровский, А. В. История советской психологии. Формирование основ психологической науки [Текст] / А. В. Петровский. – М. : Просвещение, 1967. – 367 с.

31.Платонов, К. К. Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога) [Текст] / К. К. Платонов; под ред. А. Д. Глоточкина, А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой, В. Н. Лоскутова. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 310 с.

32.Приказ о ликвидации в школах профконсультации и профотбора. 11.09.1936 г. № 738 [Текст] // Сборник приказов и распоряжений Наркомпроса РСФСР № 19 от 1.09.1936. – С. 7.

33.Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории [Текст]; под ред. А. В. Брушлинского. – М. : Издательство «Институт психологии РАН», 1997. – 576 с.

34.Психологический институт в Москве: российский центр психологической науки, культуры и образования. Документальная летопись к 100-летию со дня основания [Текст]. – М., СПб. : Нестор-История, 2013. – 248 с.

35.Рубинштейн, С. Л. Основы психологии. Пособие для высших педагогических учебных заведений [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М. : Учпедгиз, 1935. – 496 с.

36.Степанов, С. Закат психотехники [Текст] / С. Степанов // Школьный психолог. – 2003. – № 39. – С. 4.

37.Стоюхина, Н. Ю. Проблемы преподавания истории психологии советского периода на примере истории психо-

техники [Текст] / Н. Ю. Стоюхина // Том II (Психолого-педагогические науки). – 2014. – № 1. – С. 271–277.

38.Стоюхина, Н. Ю. Забытый съезд: Первый Всероссийский съезд по психоневрологии [Текст] / Н. Ю. Стоюхина, В. А. Мазиллов // Том II (Психолого-педагогические науки). – 2013. – № 4. – с. 251–260

39.Стоюхина, Н. Ю. Неизвестные съезды: Второй психоневрологический [Текст] / Н. Ю. Стоюхина, В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. Том II (Психолого-педагогические науки). – 2014. – № 1. – с. 277–287

40.Стоюхина, Н. Ю. Рождение парадигмы воздействия в работах первых психотехников Америки и Европы [Текст] / Н. Ю. Стоюхина, В. А. Мазиллов // Методология современной психологии: академический сборник научных статей. Вып. 4; под ред. В. В. Козлова, А. В. Карпова, В. Ф. Петренко. М. : МАПН, ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, 2014. – с. 119–130

41.Тольц В. 1936: конец советской психотехники [Электронный ресурс] // Радио Свобода. 02.07.2006. – Режим доступа: [<http://www.svoboda.org/content/transcript/163036.html>].

42.Устав Всесоюзного общества психотехники и практической психофизиологии [Текст] // Психотехника и психофизиология труда. – 1930. – № 2–3. – С. 285–290.

43.Шпильрейн, И. Н. О повороте в психотехнике [Текст] / И. Н. Шпильрейн // Психотехника и психофизиология труда. – 1931. – № 4–6. – С. 247–285.

44.Ярошевский, М. Г. Л. С. Выготский: в поисках новой психологии [Текст] / М. Г. Ярошевский. – СПб. : Международный фонд истории науки, 1993. – 301 с.

Bibliograficheski spisok

1. Artem'eva, O. A. Otechestvennaja psihologija na perelome. Urovnevaja sub"ektnaja koncepcija social'no-psihologicheskoj determinacii razvitija psihologii: monografija [Текст] / О. А. Artem'eva. – Irkutsk : Izd-vo IGU, 2012. – 382 s.

2. Arhangel'skij, S. N. Oчерки по психологии труда [Текст] / S. N. Arhangel'skij; pod red. prof. N. F. Dobrynina. – М. : Trudrezervizdat, 1958. – 160 s.

3. Bauman, K. Polozhenie i zadachi sovetskoj nauki [Текст] / K. Bauman // Pravda. – 1936. – 6 sentjabrja. – S. 2–3.

4. Budilova, E. A. Filosofskie problemy v sovetskoj psihologii [Текст] // Trudy po istorii psihologii / E. A. Budilova; otv. red. T. I. Artem'eva, A. L. Zhuravlev, V. A. Kol'cova; In-t psihologii RAN. – М. : Nauka, 2009. – 504 s.

5. G.F.O sostojanii i zadachah psihologicheskoj nauki v SSSR (otchet o soveshhanii psihologov pri redakcii zhurnala «Pod znamenem marksizma») [Текст] / G.F. // Pod znamenem marksizma. – 1936. – № 9. – S. 87–99.

6. Gellershtejn, S. G. Psihotehnika [Текст] / S. G. Gellershtejn // Vygotskij L., Gellershtejn S., Fingert B., Shirvindt M. Osnovnye techenija sovremennoj psihologii. – М.-L. : Gosizdat, 1930. – S. 206–263.

7. Gol'cman, A. Reorganizacija cheloveka. [Текст] / A. Gol'cman. - L. : Gosizdat. – 1925. – 55 s.

8. Instrukcija NKT SSSR ot 13 ijulja 1930 g. po provedeniju professional'nogo otbora i profkonsul'tacii pri osennem nabore 1930 g. v shkoly FZU i ShUMP [Текст] // Psihotehnika i psihofiziologija truda. – 1930. – № 5. – S. 433–436.

9. Kadnevskij, V. M. Istorija testov [Текст]: monografija / V. M. Kadnevskij. – М. : Narodnoe obrazovanie, 2004. – 464 s.

10. Kolbanovskij, V. N. Tak nazываемaja psihotehnika [Текст] / V. N. Kolbanovskij // Izvestija. – 23 oktjabrja. - 1936. - S. 4.

11. Kol'cova, V. A. Sovetskaja psihologicheskaja nauka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) [Текст] /

- V. A. Kol'cova, Ju. N. Olejnik. – M. : Moskovskij gosudarstvennyj universitet, Institut psihologii RAN, 2006. – 360 s.
12. Kol'cova, V. A. Istorija psihologii: teoreticheskie i metodologicheskie problemy issledovanij [Tekst] / V. A. Kol'cova, Ju. N. Olejnik // Sovremennaja psihologija; pod red. V. N. Druzhinina. M. : INFRA-M, 1999, s.578–590
13. Kotelova, Ju. V. Oчерki po psihologii truda [Tekst]: uchebnoe posobie / Ju. V. Kotelova; pod red. E. M. Ivanovoj. – M. : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1986. – 120 s.
14. Krupskaja, N. K. Vybor professii [Tekst] / N. K. Krupskaja // Komsomol'skaja pravda. – 1936. – № 146 (26 ijunja). – S. 2.
15. Kurek, N. S. Istorija likvidacii pedologii i psihotehniki v SSSR [Tekst] / N. S. Kurek. – SPb. : Aletejja, 2004. – 330 s.
16. Levchenko, E. V. Mihail Jakovlevich Basov: zhiznennyj put' i psihologicheskaja koncepcija [Tekst] / E. V. Levchenko // Metodologija i istorija psihologii. – 2008. – T. 3. Vyp. 4. – S. 21–45.
17. Lisina, M. I. Soveshhanie po psihologii truda [Tekst] / M. I. Lisina // Voprosy psihologii. – 1957. – № 3. – S. 165–176.
18. Mazilov, V. A. O stanovlenii psihologii kak samostojatel'noj nauki [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii. 2007. – T. 2. Vyp. 2. – S. 3–20.
19. Mazilov, V. A. Metodologija otechestvennoj psihologicheskoi nauki: osnovnye napravlenija issledovanij i razrabotok [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Tom II (Psihologo-pedagogicheskie nauki). – 2010. - № 3. - s. 174–191
20. Mazilov, V. A. Psihologicheskaja nauka: razrabotka komunikativnoj metodologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2010. - № 1. - s. 146–151.
21. Mazilov, V. A. Aktual'nye metodologicheskie problemy sovremennoj otechestvennoj istorii psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Tom II (Psihologo-pedagogicheskie nauki). – 2014. - № 2. - s. 202–210
22. Mazilov, V. A. Istorija psihologii i filosofija psihologii: neobходимо vzaimodejstvie [Tekst] / V. A. Mazilov // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. – 2014. - № 2. - s. 94–100
23. Mazilov, V. A. O predmete nauchnoj psihologii: utraty i obretenija [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Tom II (Psihologo-pedagogicheskie nauki). – 2014. - № 1. - s. 266–270
24. Majakovskij, V. V. Trevoga [Tekst] / V. V. Majakovskij // Majakovskij V. V. Sobranie sochinenij v 12 tt. T. 6. M. : Pravda, – 1978. - S. 157.
25. Majakovskij, V. V. Vonzaj samokritiku! [Tekst] / V. V. Majakovskij // Majakovskij V. V. Sobranie sochinenij v 12 tt. T. 6. M. : Pravda, – 1978. S. 46.
26. Munipov, V. M. Obshhaja sud'by pedologii, psihotehniki i psihologii v 30-e gody v SSSR [Tekst] / V. M. Munipov // Ezhegodnik Rossijskogo psihologicheskogo obshhestva. Antologija sovremennoj psihologii konca HH veka. T. 7. Vyp. 3. Kazan', 2001. – S. 208–233.
27. Munipov, V. M. I. N. Shpil'rejn, L. S. Vygotskij i S. G. Gellershtejn – sozdateli nauchnoj shkoly psihotehniki v SSSR [Tekst] / V. M. Munilov // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. – 2006. – № 4. – S. 85–107.
28. Noskova, O. G. Istorija psihologii truda v Rossii (1917–1957) [Tekst]: ucheb. posobie; pod red. prof. E. A. Klimova. – M. : Izd-vo MGU, 1997. – 334 s.
29. O pedologicheskijh izvrashhenijah v sisteme Narkomprov. 4.07.1936 [Tekst] // KPSS v rezoljucijah i reshenijah s'ezdov, konferencij i plenumov CK. – M. : Politizdat, 1985. T.6. S. 364–367.
30. Petrovskij, A. V. Istorija sovetskoj psihologii. Formirovanie osnov psihologicheskoi nauki [Tekst] / A. V. Petrovskij. – M. : Prosveshhenie, 1967. – 367 s.
31. Platonov, K. K. Moi lichnye vstrechi na velikoj doroge zhizni (Vospominanija starogo psihologa) [Tekst] / K. K. Platonov; pod red. A. D. Glotchkina, A. L. Zhuravleva, V. A. Kol'covoj, V. N. Loskutova. – M. : Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2005. – 310 s.
32. Prikaz o likvidacii v shkolah profkonsul'tacii i profotbora. 11.09.1936 g. № 738 [Tekst] // Sbornik prikazov i rasporyzhenij Narkomprosa RSFSR № 19 ot 1.09.1936. - S. 7.
33. Psihologicheskaja nauka v Rossii HH stoletija: problemy teorii i istorii [Tekst]; pod red. A. V. Brushlinskogo. – M. : Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», 1997. – 576 s.
34. Psihologicheskij institut v Moskve: rossijskij centr psihologicheskoi nauki, kul'tury i obrazovanija. Dokumental'naja letopis' k 100-letiju so dnja osnovanija [Tekst]. – M., SPb. : Nestor-Istorija, 2013. – 248 s.
35. Rubinshtejn, S. L. Osnovy psihologii. Posobie dlja vysshih pedagogicheskijh uchebnyh zavedenij [Tekst] / S. L. Rubinshtejn. – M. : Uchpedgiz, 1935. – 496 s.
36. Stepanov, S. Zakat psihotehniki [Tekst] / S. Stepanov // Shkol'nyj psiholog. – 2003. - № 39. - S. 4.
37. Stojuhina, N. Ju. Problemy prepodavanija istorii psihologii sovetskogo perioda na primere istorii psihotehniki [Tekst] / N. Ju. Stojuhina // Tom II (Psihologo-pedagogicheskie nauki). – 2014. – № 1. – S. 271–277.
38. Stojuhina, N. Ju. Zabytyj s'ezd: Pervyj Vserossijskij s'ezd po psihonevrologii [Tekst] / N. Ju. Stojuhina, V. A. Mazilov // Tom II (Psihologo-pedagogicheskie nauki). – 2013. - № 4. - s. 251–260
39. Stojuhina, N. Ju. Neizvestnye s'ezdy: Vtoroj psihonevrologicheskij [Tekst] / N. Ju. Stojuhina, V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Tom II (Psihologo-pedagogicheskie nauki). – 2014. - № 1. - s. 277–287
40. Stojuhina, N. Ju. Rozhdenie paradigmy vozdejstvija v rabotah pervykh psihotehnikov Ameriki i Evropy [Tekst] / N. Ju. Stojuhina, V. A. Mazilov // Metodologija sovremennoj psihologii: akademicheskij sbornik nauchnyh statej. Vyp. 4; pod red. V. V. Kozlova, A. V. Karpova, V. F. Petrenko. M. : MAPN, JarGU, LKIISI RAN, 2014. - s. 119–130
41. Tol'c V. 1936: konec sovetskoj psihotehniki [Elektronnyj resurs] // Radio Svoboda. 02.07.2006. – Rezhim dostupa: [http://www.svoboda.org/content/transcript/163036.html].
42. Ustav Vsesojuznogo obshhestva psihotehniki i prakticheskoi psihofiziologii [Tekst] // Psihotehnika i psihofiziologija truda. – 1930. – № 2–3. – S. 285–290.
43. Shpil'rejn, I. N. O povorote v psihotehnike [Tekst] / I. N. Shpil'rejn // Psihotehnika i psihofiziologija truda. – 1931. – № 4–6. – S. 247–285.
44. Jaroshevskij, M. G. L. S. Vygotskij: v poiskah novoj psihologii [Tekst] / M. G. Jaroshevskij. – SPb. : Mezhdunarodnyj fond istorii nauki, 1993. 301 s.